

А. С. Баханович
Минск, МГЛУ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИИ В БЕЛОРУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается феномен иронии как категории художественного текста. Уточняется положение иронии в системе стилистических приемов, выявляются синтаксические стилистические средства ее реализации. Системно-структурный анализ способов актуализации иронии в романах А. Брава «Садомская яблыня» и С. Фрая «Гиппопотам» позволил установить, что сочетание элементов экспрессивного синтаксиса, обладающих графической выделенностью, контекста и соответствующей интонации становится средством создания комического эффекта.

Установление статуса иронии в свете современных филологических исследований, а также выявление ее особенностей как составляющей категории комического и средства эмоционально-оценочной критики является значимым в таких областях научного знания, как лингвистика, литературоведение, эстетика, философия, поскольку данный языковой и ментальный феномен выступает как неотъемлемый компонент культуры и отражает морально-этические ценности социума.

Иронию по праву считают полиаспектным явлением, поэтому ее определения разнообразны: это и стилистический прием, служащий для усиления и украшения речи, и эстетическая составляющая мышления; один из видов иносказания, соединяющий серьезное и насмешливое, презрительное и истинное, справедливое; вид речевой агрессии; «текстовая категория, индуцирующая в тексте имплицитные смыслы, которые связаны со способностью личности (автора) оценивать явления действительности» [1, с. 27].

Объясняя суть иронии, богослов И. Севильский обращает внимание на притворство говорящего: «этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки» [2, с. 56]. Интересны рассуждения датского философа С. Кьеркегора: «В наше время много говорится о значении сомнения для науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение – для науки. И поэтому подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [3, с. 186].

Рассматривая основные номинации понятия иронии, следует обратиться к мнению авторитетных лингвистов. Так, И. Р. Гальперин отмечает, что *ирония* – это стилистический прием, посредством которого в каком-либо высказывании появляется взаимодействие двух типов лексических значений – логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности; основное предметно-логическое значение затемняется контекстуальным [4, с. 133].

Реализуясь в художественном тексте, ирония как лингвистическое явление эксплицируется посредством средств, которые можно классифицировать в соответствии с языковыми уровнями, поэтому объектом изучения становятся лексико-семантические, синтаксические и морфологические особенности создания иронии.

Обобщая определения иронии (Т. Ф. Лимарёва, А. В. Сергиенко, О. Г. Петрова, О. П. Ермакова, Д. Мюкке, С. Аттардо, Л. Хатчеон), мы пришли к выводу, что это средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также сложная лингвистическая и эстетическая категория, основанная на контрасте отрицательного явления и его притворного положительного образа. Сама возможность позитивной оценки впоследствии доводится до абсурда, чтобы осмеять и дискредитировать описываемое явление.

В качестве фактического материала анализируются белорусскоязычный роман А. Брава «Садомская яблыня», а также англоязычный роман С. Фрая «Гиппопотам».

Среди разноуровневых маркеров иронии синтаксические средства (повторы, вставные конструкции, вводные конструкции, риторические вопросы, восклицательные предложения) имеют принципиальное значение, поскольку позволяют «не только транслировать основную информацию, но и вводить дополнительную, осуществляя таким путем эстетическую суггестию по отношению к реципиенту художественного текста» [5, с. 14].

Характерными в данной группе средств являются локальные повторы, релевантные для отдельного фрагмента текста. Повтор в художественном тексте способствует появлению у языковой единицы дополнительных зна-

чений, увеличению ее содержательной и функциональной нагруженности. В описании чиновников неоднократно воспроизводится слово *палубоўніца*. С помощью данного повтора автор делает акцент на негативном стереотипном имидже слуг народа. Ироническая оценка автора реализуется в форме критики и осуждения:

Кандыдатамі на іншы, лепшы партфель – вось кім яны былі, тыя «рэгіянальныя кадры»; яны хуценька перадыслацыраваліся ў сталіцу з жонкамі ды палубоўніцамі, дзецьмі жонак і палубоўніц, катамі ды сабакамі жонак і палубоўніц.

Вставные конструкции как элемент экспрессивного синтаксиса играют важную роль в структуре художественного текста. Несмотря на графическую изолированность от основного контекста, с информативной точки зрения они оказываются тесно связанными с содержанием высказывания, выражая субъективное отношение говорящего к излагаемой информации, добавляя эмоциональную окраску, оттенок комичности и функционируя в качестве замечания, пояснения к содержанию определенного отрезка в тексте.

Внешне положительная семантика вставной конструкции получает в контексте оттенок неодобрения. Автор язвительно характеризует предложение турфирмы: совместить паломничество к святым местам с шопингом в гипермаркете. Ироническая оценка реализуется в форме насмешки над неуважением к правилам жизни и обрядам христианства:

Жанчыны ад нуды плятуцца ў Божы храм, тэрапеўтычную групу альбо вінна-гарэлачную краму. Мне не хавацца ад сябе ні сярод паломнікаў да Матроны Маскоўскай (з заездам у гіпермаркет – запрашаюць мясцовыя турфірмы), ні на дне бутэлькі.

В романе «Гиппопотам» автор намеренно занижает стилевой фон: *to ape airplanes* ‘собезьянничать авиалинии’, использует сравнение в качестве авторского комментария (*about as sensible as going into a barbershop and asking for a Lindsay Anderson cut*), который выражает нецелесообразность копирования авиалиний поездами, и в целом иронизирует над плачевным состоянием вагона поезда:

I travelled First Class. There’s only one smoking car on the whole train. In Britrail’s futile attempts to ape airlines (in itself a deranged project – about as sensible as going into a barbershop and asking for a Lindsay Anderson cut) they litter the compartment with a laughable in-carriage glossy called ‘Executive’ or ‘Top Traveller’ ‘Я поехал первым классом. Во всем поезде имелся всего один вагон для курящих. «Британские железные дороги» в тщетных попытках собезьянничать авиалинии (затея сама по себе полоумная – все равно, что явиться в парикмахерскую и попросить, чтобы тебя постригли под Линдсея Андерсона) утыкали купе смехотворными глянцевыми табличками, на которых значится: «Исполнительный директор», «Важный пассажир»’.

Наиболее зависимым синтаксическим средством экспликации иронии являются вводные конструкции, подчиненные лексическому наполнению высказывания. Однако ввиду функциональной особенности вводных конструкций, которая заключается в выражении субъективной модальности,

их можно квалифицировать как неотъемлемый маркер иронии. Вводная конструкция *на праўдзе* и вводное слово *вядома* подверглись в контексте ироническому переосмыслению, получили противоположную коннотацию. Благодаря такого рода семантическому контрасту, созданному посредством вводного слова и вводной конструкции, автор подчеркивает притворство и двойственность своих суждений:

Мець сваё жыццё, на праўдзе, мне дазвалялася кароткі прамежак часу: ад школьнага выпускнога балю да той жаночай кансультацыі;

Па спецыяльнасці ён геніколаг, але працуе на «хуткай». У аддзяленні ўсе, вядома, акрамя яго, бралі «на лапу», абартавалі ажно да мама не бядуі.

Риторический вопрос, используемый в качестве средства создания иронии, характерен для изучаемых авторов. Риторический вопрос – это утвердительное предложение, которое лишь облачено в вопрошающую форму, назначение которого – привлечение внимания к высказыванию, придание ему насыщенности и выразительности. А. Браво часто обращается к данному изобразительному средству синтаксиса, чтобы задать вопрос и самой дать на него подходящий, иногда абсурдный, ответ, тем самым делая контекст ироничным. Ироническая интенция автора к врачу-гинекологу, реализованная посредством положительного по структуре риторического вопроса, выражается в форме колкого комментария, по поводу надписи на футболке:

Праз пару дзён ён з'явіўся зноў – у бірузовай цішотцы з надпісам па-ангельску «Шалены сабака», можа, ён у санэпідзе на паўстаўкі?

Распознавание высказывания как иронического требует анализа как узкого, так и широкого контекста, что доказывает следующий пример использования ассоциативной иронии, требующей от читателя знания ситуации. Неуклюжий Тед Уоллис, находясь в ванной комнате, прищемил палец молнией брюк, поскользнулся, облился водой и чуть не устроил потоп в доме. Ситуация в целом довольно комична. А при помощи риторических вопросов Тед выражает свое эмоциональное отношение к ситуации. Называя места, явно отдаленные от дома, он подчеркивает всю абсурдность заданного вопроса и тот факт, что хозяйка и так осведомлена об учиненном погроме. Далее представлена часть диалога между Тедом и хозяйкой дома:

– *'All this took place in a bathroom?'*

– *'Yes! In a bathroom. What did you expect, a bakery? A hair-dressing salon?'*

– *'Все происходило в ванной?'*

– *'Да! В ванной. А чего ты ожидала, в булочной? В Парикмахерской?'*

Следующий пример – явная насмешка над литературным творчеством Теда. Джейн иронизирует над стихами своего дяди, которые, как она считает, не найдут отклика среди читателей, так как их может интерпретировать лишь он сам:

Most of your poems I never really understood, but you did not write them for that, right? 'Большинства твоих стихов я никогда толком не понимала, но ты же их не для того и писал, верно?'

Обратим внимание на использование восклицательных предложений как маркера иронии. Подчеркнутость восклицательного тона – необходимое условие для реализации комического эффекта. Ирония автора актуализируется за счет нетривиальных сравнений, дополнительно интенсифицированных при помощи восклицательной интонации:

Вярнулася ў кабінет – доктар, прыўзняўшы сагнутую нагу і стоячы на другой, нібы занесены ў Чырвоную кнігу, пісаў на паперцы нумар свайго тэлефона. Выкарыстоўваючы калена ў якасці партатыўнага століка, які заўды пры ім, што цэнна для лекара «хуткай»!

Особый эффект восклицания приобретают в представленном ниже фрагменте из романа «Гиппопотам» потому, что взаимодействуют с таким стилистическим средством создания иронии, как использование патетической лексики, которая представлена словами *кара, позор, искупит*. Вследствие этого происходит намеренное завышение стилового фона и абсурдность ситуации (Тед Уоллис пролил виски на ковер) становится еще отчетливее:

I deserve a terrible retribution! Punishment will atone my shame! ‘Я достоин страшной кары! Наказание искупит мой позор!’.

Племянник Теда Уоллиса Саймон стрелял из ружья по фазанам. Однако вместо дроби в патронах оказался сахар и конфетти. Вместо падающих фазанов публику ждал фейерверк. От Теда в силу характера и без того не приходится ждать искреннего ликования, а в подобной ситуации его реплика тем более выражает напускной наигранный восторг:

- ‘*Bravo! Charming!*’ said Uncle Ted.
- ‘*Bloody hell!*’ said Conrad.
- ‘Браво! Очаровательно!’ – сказал Тед.
- Черт знает что! – сказал Конрад’.

А. Браво в следующем примере использует комплекс средств для создания иронического контекста: вставную конструкцию, с комичным сравнением, для декодирования которой требуется национально-специфическая и культурная осведомленность (*нагадваю ўпаўнаважанага харчатрада ў пастаноўцы правінцыяльнага тэатра, не хапае толькі парабелума*); восклицательное предложение (*прыгажосць нават гіпс не псуе!*), которое может быть интерпретировано как пародия на известный афоризм: красоту ничем не испортишь; а также метафору (*давай жа, баба, выцягни з кладоўкі ўласнае закінутае цела, пачысці змеявік*). Все перечисленные стилистические средства становятся эксплицитными указателями ироничности высказывания. Героиня с юмором описывает то, как женщина средних лет выбирает одежду и пытается продлить молодость:

Прымяраю фрэнч з пагончыкамі (нагадваю ўпаўнаважанага харчатрада ў пастаноўцы правінцыяльнага тэатра, не хапае толькі парабелума) <...> ну, давай жа, баба, выцягни з кладоўкі ўласнае закінутае цела, адмыў бачок, пачысці змеявік, і каб вогненны ручаёк пацёк па жылах, ммм, як цудоўна. Тады ты прыбязыш сюды зноў, раскашэлішся і на швэдар са стразамі, і на боцікі на высачэзных абцасах. У такім абутку лёгка зламаць нагу, але прыгажосць нават гіпс не псуе!

Подводя итог, необходимо отметить, что ирония как эмоционально-оценочная категория является дополнительным смыслом высказывания. Синтаксические средства: повторы, вставные конструкции, вводные конструкции, риторические вопросы, восклицательные предложения выступают в роли интенсификаторов иронической образности. Данные средства экспликации иронии в сочетании с лексикой признакового характера, стилистическими средствами (метафора, эпитет и др.), намеренным занижением или завышением стилового фона могут использоваться для завуалированного выражения автором субъективной оценки объекта, а также в качестве инструмента для передачи отрицательного значения, сатирического изображения объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрова, О. Г.* Типы иронии в художественном тексте / О. Г. Петрова // Извест. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Вып. 3. – С. 25–30.
2. *Севильский, И.* Этимологии, или Начала в 20 книгах. – Кн. I–III: Семь свободных искусств / пер. с лат., ст, примеч. и указ. Л. А. Харитонova. – СПб : Евразия, 2006. – 352 с.
3. *Кьеркегор, С.* О понятии иронии / С. Кьеркегор // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.
4. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 452 с.
5. *Самыгина, Л. В.* Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2013. – 22 с.

The article unveils the phenomenon of irony as a category of Belarusian and English-language literary text. The analysis defines the syntactic stylistic means of creating irony. It has been established that a combination of expressive syntax elements with graphic emphasis, context and corresponding intonation creates a comic effect.